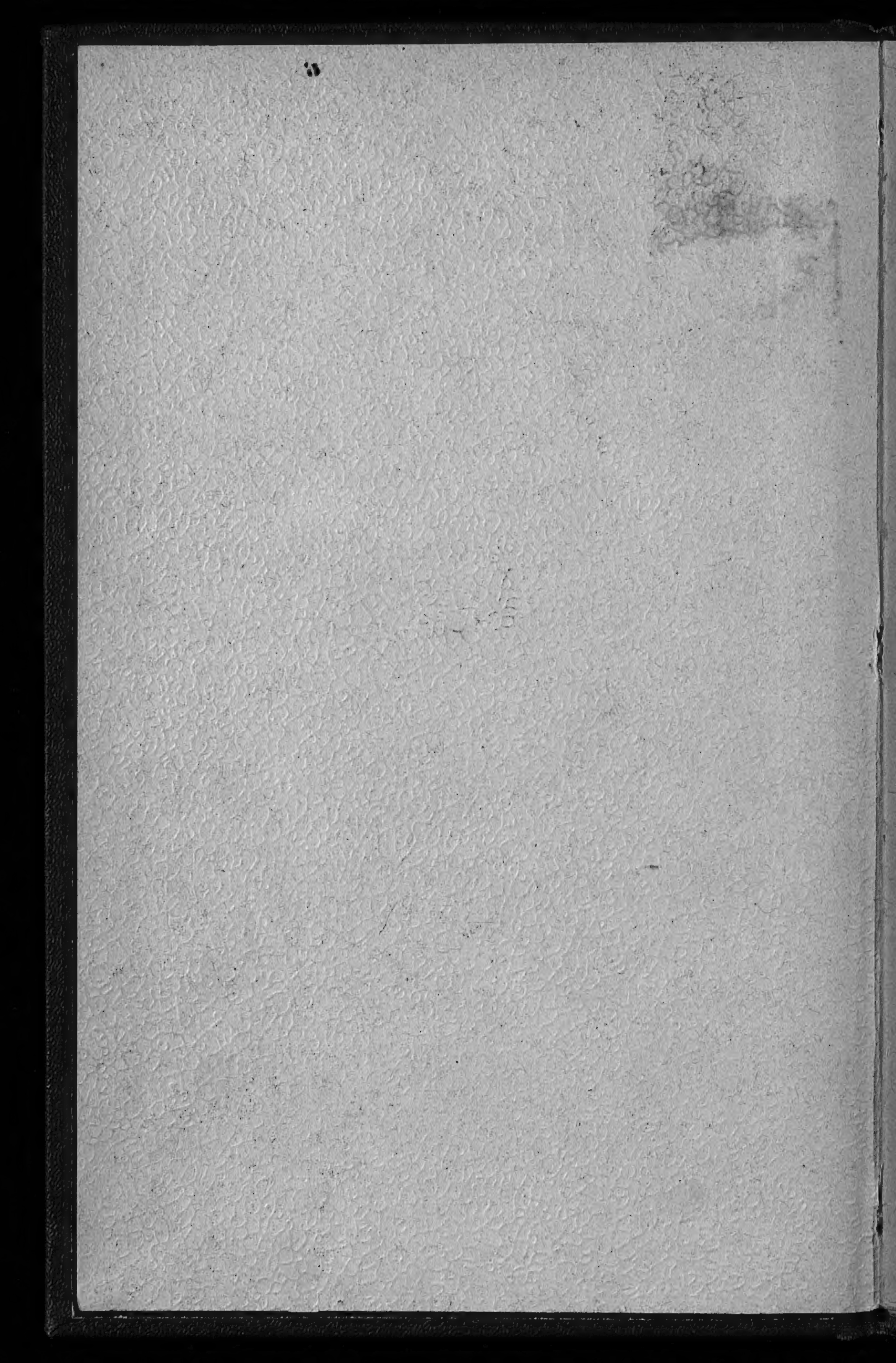
Ерманский

Майские дни в Харькове







Россійская Соціалдемократическая Рабочая Партія.

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ ХАРЬКОВѢ



Изданіе „ИСКРЫ".

Типографія „Искры". Январь 1901.


БИБЛ
ИНСТИТУТА
ЛЕНИНА

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая брошюра представляетъ изъ себя описаніе знаменитой маевки 1900 г. въ Харьковѣ, составленное Харьковскимъ Комитетомъ Россійской Социалдемократической Рабочей Партіи на основаніи описаній самихъ рабочихъ. Она прислана намъ въ видѣ корреспонденціи, но мы сочли необходимымъ издать ее отдѣльно, какъ вслѣдствіе ея значительнаго объема, такъ и въ виду того, чтобы какъ можно легче было распространить ее въ возможно большемъ количествѣ и возможно шире. Черезъ полгода русскіе рабочіе будутъ праздновать первое мая перваго года новаго вѣка, — и пора позаботиться о томъ, чтобы это празднество охватило какъ можно больше центровъ, чтобы оно было какъ можно внушительнѣе не только числомъ своихъ участниковъ, но и ихъ организованностью, ихъ сознательностью, ихъ рѣшимостью начать безповоротную борьбу за политическое освобожденіе русскаго народа, а тѣмъ самымъ и за свободное поприще классового развитія пролетаріата и открытой борьбы его за соціализмъ. Пора начать готовиться къ новой маевкѣ, и одной изъ важныхъ подготовительныхъ мѣръ должно быть ознакомленіе съ тѣмъ, чего уже достигло соціалдемократическое движеніе въ Россіи, разсмотрѣніе того, что еще недостаетъ нашему движенію вообще и маевкѣ въ частности, и какъ мы должны пополнить эти недочеты, какъ добиться лучшихъ результатовъ.

Харьковская маевка показываетъ, какой крупной политической демонстраціей способно стать празднованіе рабочаго праздника и чего недостаетъ намъ для того, чтобы это празднованіе дѣйствительно стало великой общерусской демонстраціей сознательнаго пролетаріата. Что придало майскимъ днямъ въ Харьковѣ характеръ выдающагося событія? Массовое участіе рабочихъ въ забастовкѣ, громадныя тысячныя собранія на улицахъ, развертывающія красныя знамена, провозглашающія требованія, указанныя въ прокламаціяхъ, революціонный характеръ этихъ требованій: 8-мичасовый рабочій день и политическая свобода. Сказка о томъ, будто русскіе рабочіе не доросли еще до политической борьбы, будто ихъ главное дѣло — чисто-экономическая борьба, лишь понемногу и потихоньку дополняемая частичной политической агитаціей за отдѣльныя политическія реформы, а не за борьбу противъ всего политическаго строя Россіи, — эта сказка рѣшительно опровергается Харьковской маевкой. Но мы хотимъ здѣсь обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Доказавъ еще и еще разъ политическія способности русскихъ рабочихъ, маевка въ Харьковѣ показываетъ въ то же время, чего намъ не достаетъ для полнаго развитія этихъ способностей.

Харьковскіе соціалдемократы постарались подготовить маевку, распространивъ брошюры и листки заранѣе; былъ составленъ рабочими и планъ общей демонстраціи и рѣчей на Конной площади. Отчего не удался этотъ планъ? Харьковскіе товарищи отвѣчаютъ на это такъ: оттого, что силы „главнаго штаба“ сознательныхъ соціалистовъ-рабочихъ были распредѣлены неравномѣрно, въ одномъ заводѣ много, въ другихъ мало; оттого, далѣе, что планъ рабочихъ „былъ извѣстенъ властямъ“, принявшимъ, разумѣется, всѣ

мѣры для разъединенія рабочихъ. Выводъ ясенъ: намъ недостаетъ организаціи. Масса рабочихъ всколыхнулась уже и готова идти за соціалистическими вождями, но „главному штабу" не удалось еще сърганизовать крѣпкаго ядра, правильно распредѣляющаго всѣ наличныя силы сознательныхъ рабочихъ, обезпечивающаго настолько конспиративную (тайную) постановку дѣла, чтобы заранѣе составленные планы дѣйствія оставались неизвѣстны не только властямъ, но и всѣмъ, стоящимъ внѣ организаціи. Эта организація должна быть революціонной организаціей: она должна быть составлена изъ людей, вполнѣ ясно сознавшихъ задачи соціалдемократическаго рабочаго движенія и рѣшившихся на безповоротную борьбу съ современнымъ политическимъ строемъ, она должна соединить въ себѣ то соціалистическое знаніе и тотъ революціонный опытъ, который выработали уроки многихъ десятилѣтій въ русской революціонной интеллигенціи, съ тѣмъ знаніемъ рабочей среды и умѣніемъ агитировать въ массѣ и вести ее за собой, которое свойственно передовикамъ-рабочимъ. Не о проведеніи искусственно-сочиненной грани между интеллигентами и рабочими, не о созданіи „чисто-рабочей" организаціи, а именно о такомъ соединеніи должны мы заботиться прежде всего и больше всего. Мы позволимъ себѣ напомнить здѣсь слѣдующія слова Г. Плеханова:

„Необходимымъ условіемъ этой (агитаціонной) дѣятельности является сплоченіе уже готовыхъ революціонныхъ силъ. Кружковой пропагандой могутъ заниматься люди, ничѣмъ не связанные между собой, даже не подозрѣвающіе существованіе одинъ другого. Конечно, отсутствіе организаціи всегда отзывается и на пропагандѣ, но оно не дѣлаетъ ея невозможной. Въ эпохи же сильнаго общественнаго возбужденія, когда политическая атмосфера насыщена электричествомъ и когда то здѣсь, то тамъ, по самымъ различнымъ, самымъ непредвидѣннымъ поводамъ происходятъ все болѣе и болѣе частыя вспышки, свидѣтельствующія о приближеніи революціонной бури, — короче, когда надо агитировать или оставаться за флагомъ, въ такія эпохи только организованныя революціонныя силы могутъ имѣть серьезное вліяніе на ходъ событій. Отдѣльная личность становится тогда безсильной, революціонное дѣло оказывается по плечу только единицамъ высшаго порядка: революціоннымъ организаціямъ" (Г. Плехановъ. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ", стр. 83.).

Въ исторіи русскаго рабочаго движенія наступаетъ именно такая эпоха возбужденія и вспышекъ по самымъ различнымъ поводамъ, и если мы не хотимъ остаться „за флагомъ", мы должны направить всѣ усилія на созданіе общерусской организаціи, способной руководить всѣми отдѣльными вспышками и такимъ образомъ достигнуть того, чтобы приближающаяся буря (о которой говоритъ также харьковскій рабочій въ концѣ брошюры) была не стихійной бурей, а сознательнымъ движеніемъ пролетаріата, возставшаго во главѣ всего народа противъ самодержавнаго правительства.

Кромѣ нагляднаго указанія на недостаточную сплоченность и подготовленность нашихъ революціонныхъ организацій, харьковская маевка даетъ еще одно не менѣе важное практическое указаніе. „Съ первомайскимъ праздникомъ и манифестаціей — говорится въ брошюрѣ — неожиданно переплелись различныя практическія требованія, предъявленныя безъ соотвѣтствующей подготовки и поэтому, конечно, осужденныя, въ общемъ, на неудачу". Возьмемъ, напр., требованія рабочихъ ж.-д. мастерскихъ: изъ 14 требованій 11 представляютъ изъ себя требованія отдѣльныхъ мелкихъ улучшеній, вполнѣ достижимыхъ и при современныхъ политическихъ порядкахъ: увеличеніе платы, сокращеніе рабочаго времени, устраненіе злоупотребленій. На ряду съ этими требованіями, какъ бы совершенно однородныя съ ними, стоятъ три такія требованія: 4) ввести 8-мичасовый рабочій день; 7) гарантировать неприкосновенность личности рабочихъ послѣ майскихъ событій; 10) учредить коммиссію изъ рабочихъ и администраціи для разбора всякихъ недоразумѣній между обѣими сторонами. Первое изъ этихъ требованій (п. 4) есть общее требованіе всемірнаго пролетаріата; выставленіе этого требованія указываетъ, повидимому, на

то, что передовые харьковскіе рабочіе понимаютъ свою солидарность со всемірнымъ соціалистическимъ рабочимъ движеніемъ. Но именно поэтому подобное требованіе не слѣдуетъ ставить въ числѣ частныхъ требованій, между требованіемъ, чтобы мастера лучше обращались и чтобы плату повысили на 10 проц. Требованія объ увеличеніи платы и объ улучшеніи обращенія могутъ быть предъявляемы (и должны быть предъявляемы) рабочими отдѣльныхъ ремеслъ къ ихъ хозяевамъ; это — требованія цеховыя, требованія отдѣльныхъ разрядовъ рабочихъ. Требованіе же 8-мичасоваго рабочаго дня есть требованіе всего пролетаріата, обращенное не къ отдѣльнымъ хозяевамъ, а къ государственной власти, какъ къ представительницѣ всего современнаго общественнаго и политическаго строя, ко всему классу капиталистовъ, владѣющихъ всѣми средствами производства. Требованіе 8-мичасоваго рабочаго дня пріобрѣло особое значеніе: оно есть заявленіе солидарности съ международнымъ соціалистическимъ движеніемъ. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы рабочіе сознали эту разницу, чтобы они не сводили требованіе 8-мичасоваго рабочаго дня на уровень такого же требованія, какъ требованіе безплатныхъ билетовъ или удаленіе сторожа. Въ теченіе всего года рабочіе то здѣсь, то тамъ предъявляютъ постоянно различныя частныя требованія хозяевамъ и борятся за нихъ: помогая этой борьбѣ, соціалисты должны всегда указывать на ея связь съ борьбой пролетаріата всѣхъ странъ за свое освобожденіе. И день перваго мая долженъ быть днемъ торжественнаго заявленія того, что рабочіе сознаютъ эту связь и рѣшительно примыкаютъ къ этой борьбѣ.

Возьмемъ десятое требованіе объ учрежденіи коммиссіи для разбора недоразумѣній. Такая коммиссія изъ выборныхъ отъ рабочихъ и отъ администраціи могла бы, конечно, принести много пользы, но только при условіи полной свободы выборовъ и полной независимости депутатовъ. Какая польза будетъ отъ коммиссіи, если будутъ разсчитывать тѣхъ рабочихъ, которые поведутъ борьбу противъ выбора ставленниковъ начальства, которые будутъ рѣзко нападать на администрацію, разоблачая всѣ ея притѣсненія? А такихъ рабочихъ не только будутъ разсчитывать, но и арестовывать. Значитъ, для того, чтобы такая коммиссія принесла пользу рабочимъ, нужно, во-первыхъ, чтобы депутаты не зависѣли отъ начальства фабрики; это достижимо только при существованіи свободнаго союза рабочихъ, союза, охватывающаго много фабрикъ, имѣющаго свою кассу и готоваго отстоять своихъ депутатовъ. Коммиссія можетъ быть полезна только при объединеніи многихъ фабрикъ, по возможности всѣхъ фабрикъ даннаго ремесла. Далѣе, для этого нужно, во-вторыхъ, чтобы личность рабочихъ была неприкосновенна, т. е. чтобы ихъ не могли арестовать по произволу полиціи и жандармеріи. Это требованіе — гарантировать неприкосновенность личности рабочихъ — и было предъявлено (п. 7). Но спрашивается, отъ кого же могутъ требовать рабочіе гарантированія неприкосновенности личности и свободы союзовъ (необходимой, какъ мы видѣли, для успѣха коммиссій)? Только отъ государственной власти, потому что отсутствіе неприкосновенности личности и свободы союзовъ зависитъ отъ основныхъ законовъ русскаго государства, и даже больше того: зависитъ отъ формы государственнаго правленія въ Россіи. По формѣ правленія Россія есть неограниченная монархія. Царь — самодержавенъ, онъ одинъ издаетъ законы и назначаетъ всѣхъ высшихъ чиновниковъ безъ всякаго участія народа и народныхъ представителей. При такомъ государственномъ устройствѣ личность не можетъ быть неприкосновенна, союзы гражданъ вообще, а рабочихъ въ особенности, не могутъ быть свободны. Поэтому, требованіе отъ самодержавнаго правительства, чтобы оно гарантировало неприкосновенность личности (и свободу союзовъ), не имѣетъ никакого смысла: такое требованіе равносильно требованію политическихъ правъ для народа, а самодержавное правительство потому и называется самодержавнымъ, что означаетъ политическое безправіе народа. Гарантировать неприкосновенность личности (и свободу союзовъ) возможно будетъ только тогда, когда въ изданіи законовъ и во всемъ государственномъ управленіи будутъ участвовать народные пред-

ставители. Пока нѣтъ народнаго представительства, даже тѣ маленькія уступки, которыя даетъ рабочимъ одной рукой самодержавное правительство, оно будетъ всегда отнимать другой рукой. Харьковская маевка еще и еще разъ наглядно показала это: губернаторъ, по требованію массы рабочихъ, освободилъ арестованныхъ, а затѣмъ черезъ нѣсколько дней по приказу изъ Петербурга снова похватали десятки рабочихъ! Губернское и фабричное начальство „гарантируетъ“ неприкосновенность депутатовъ, а жандармерія хватаетъ ихъ и бросаетъ въ одиночныя тюрьмы или высылаетъ изъ города! Какая можетъ быть польза народу отъ такого гарантированія?

И вотъ почему рабочіе должны требовать отъ царя созыва народныхъ представителей, созыва земскаго собора. Въ прокламаціи, распространенной въ Харьковѣ передъ первымъ мая этого года, было заявлено это требованіе, и мы видѣли, что часть передовыхъ рабочихъ вполнѣ усвоила себѣ его значеніе. Мы должны позаботиться о томъ, чтобы всѣ передовые рабочіе ясно поняли необходимость этого требованія, чтобы они распространили его не только среди рабочихъ массъ, но и среди всѣхъ слоевъ народа, приходящихъ въ соприкосновеніе съ рабочими и съ интересомъ допытывающихся, изъ-за чего борятся соціалисты и „городскіе“ рабочіе? Въ настоящемъ году на вопросы фабричнаго инспектора, что собственно нужно рабочимъ, только одинъ голосъ крикнулъ: „конституціи“, и этотъ голосъ былъ такъ одинокъ, что корреспондентъ нѣсколько посмѣивается, говоря: „одинъ пролетарій выпалилъ“. Другой корреспондентъ прямо говоритъ, что „въ данномъ случаѣ“ этотъ отвѣтъ былъ „полукомическимъ“ (см. „Рабочее движеніе въ Харьковѣ“, отчетъ „Харьковскаго Комитета Россійской Соціалдемократической Рабочей Партіи“, изданный „Рабочимъ Дѣломъ“. Женева, сентябрь 1900 г., стр. 14). Собственно говоря, ничего смѣшного въ такомъ отвѣтѣ не было: смѣшнымъ могло показаться только несоотвѣтствіе этого одиноко заявленнаго требованія измѣнить весь государственный строй съ требованіями сократить на полъ-часа рабочій день и производить въ рабочіе часы получку. Но связь между этими послѣдними требованіями и требованіемъ конституціи есть несомнѣнно, и если мы добьемся (а мы несомнѣнно добьемся этого), чтобы эту связь сознали массы, то крикъ: „конституціи!“ будетъ уже не одинокъ, а раздастся изъ устъ тысячъ и сотенъ тысячъ, и тогда этотъ крикъ будетъ уже не смѣшнымъ, а грознымъ. Разсказываютъ, что нѣкто, проѣзжая во время майскихъ дней по Харькову, спросилъ извощика, чего собственно хотятъ рабочіе, и тотъ отвѣтилъ: „Требуютъ, вишь, восьми часовъ работы и своей газеты“. Этотъ извощикъ понялъ уже, что рабочіе не удовлетворятся какими-нибудь подачками, что они хотятъ чувствовать себя свободными людьми, хотятъ свободно и открыто заявлять о своихъ нуждахъ и бороться за нихъ. Но въ его отвѣтѣ не видно еще сознанія того, что рабочіе борятся за свободу всего народа, за его право участвовать въ управленіи государствомъ. Когда требованіе, чтобы царь созвалъ народныхъ представителей, будетъ съ полною сознательностью и непоколебимой твердостью повторено рабочими массами во всѣхъ промышленныхъ городахъ и фабричныхъ мѣстностяхъ Россіи, когда рабочіе достигнутъ того, чтобы все городское населеніе и весь приходящій въ города деревенскій людъ поняли, чего хотятъ соціалисты и за что борятся рабочіе, тогда отъ насъ недалекъ уже будетъ великій день освобожденія народа отъ полицейскаго самовластія!

РЕДАКЦІЯ „ИСКРЫ“.

МАЙСКІЕ ДНИ ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Въ числѣ русскихъ городовъ, гдѣ въ настоящемъ году рабочіе праздновали свой классовой праздникъ, день перваго мая, Харьковъ обратилъ на себя особенное вниманіе. Какъ по числу промышленныхъ заведеній и рабочихъ, охваченныхъ первомайскимъ движеніемъ, такъ и по формѣ, въ которую это движеніе вылилось, Харьковъ выдѣлился какъ-то сразу, можно сказать неожиданно, тѣмъ болѣе, что давно уже Харьковъ не видалъ въ средѣ своего рабочаго населенія никакихъ массовыхъ проявленій роста классоваго сознанія. Являются-ли майскія событія въ Харьковѣ плодомъ случайнаго стеченія обстоятельствъ или же естественнымъ результатомъ систематической выработки сознанія въ его рабочей средѣ? Или можетъ быть здѣсь есть и то и другое? На этотъ вопросъ дастъ безпристрастный отвѣтъ ближайшее будущее. Одно не подлежитъ сомнѣнію. Подъ внѣшнимъ покровомъ спокойствія и бездѣятельности, въ средѣ Харьковскихъ рабочихъ за послѣднее время совершалась кропотливая работа поднятія общаго культурнаго уровня широкихъ его слоевъ вообще и болѣе или менѣе опредѣленное направленіе ихъ запросовъ въ сторону задачъ самоосвобожденія въ частности. Немногочисленное, но дружное ядро интеллигентныхъ рабочихъ незамѣтно, но непрерывно расширяло сферу своего вліянія и постепенно оказалось связаннымъ множествомъ нитей чуть-ли не со всѣми болѣе или менѣе замѣтными заводами и мастерскими города. Если еще прибавить, что дѣйствія этого ядра носили въ нѣкоторой мѣрѣ организованный характеръ, то станетъ понятнымъ, что отнести события I-го мая всецѣло на счетъ случайностине представляется возможнымъ. Во всякомъ случаѣ и закоренѣлый скептикъ, присмотрѣвшись въ дни I-го мая къ психологіи Харьковской рабочей массы, въ особенности въ желѣзно-дорожныхъ мастерскихъ, долженъ былъ невольно воскликнуть: „А она всетаки движется!“ Впрочемъ предоставимъ фактамъ говорить за себя.

Первый шагъ къ подготовленію празднованія перваго мая былъ сдѣланъ еще въ началѣ апрѣля: около 600 брошюръ о майскомъ праздникѣ, напечатанныхъ въ типографіи „Южнаго Рабочаго“, было разбросано по наиболѣе крупнымъ промышленнымъ заведеніямъ. Брошюры читались и вызывали толки. 22-го числа за городомъ было устроено рабочее собраніе, въ которомъ участвовало 120 человѣкъ. Здѣсь выяснялось значеніе майскаго праздника и вырабатывался приблизительный планъ его осуществленія. Въ среду 26-го и четвергъ 27-го по всѣмъ крупнымъ мастерскимъ были распространены майскія прокламаціи, въ количествѣ около 2000 экземпляровъ (текстъ тотъ же, что и въ Екатеринославѣ).

Тогда же было разбросано дополнительно около 300 экземпляровъ первомайскихъ брошюръ въ тѣхъ мастерскихъ, куда онѣ раньше не попали. Вся эта литература заколыхала многотысячную толпу, читавшую брошюры и листки въ одиночку и группами, или по крайней мѣрѣ слышавшую о нихъ. Разговоры о I-омъ Маѣ не прекращались и за станками, и въ столовыхъ, и на прогулкахъ. Общимъ возбужденіемъ воспользовались сознательные элементы, вмѣшавшіеся въ толки о праздникѣ. Благодаря этой агитаціи, къ I-ому Мая многіе, уже не стѣсняясь другъ друга, выражали желаніе участвовать въ праздникѣ, а въ мастерскихъ жел. дороги о праздновании I-го Мая говорили открыто. Здѣсь вырабатывался главный штабъ первомайской арміи. Отъ него она должна была получать направленіе въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ сожалѣнію, силы были распредѣлены слишкомъ неравномѣрно. Въ ж.-д. мастерскихъ большинство заводовъ имѣло или слищкомъ мало руководителей, или ихъ вовсе не имѣло. Это обстоятельство ярко отразилось на ходѣ событій майскихъ дней. Изолировать другія заведенія отъ ж.-д. мастерскихъ значило осудить эти заведенія въ значительной мѣрѣ на безпомощность. А это изолированіе было неизбѣжно, такъ какъ власти, само собой разумѣется, тоже не дремали: подготовляли казаковъ, солдатъ, жандармовъ, распредѣляли ихъ по близости отъ всѣхъ крупныхъ промышленныхъ заведеній. Выработанный предварительно рабочими планъ соединенія всѣхъ празднующихъ I-ое мая на Конной площади для общей демонстраціи и рѣчей былъ, очевидно, извѣстенъ властямъ, и онѣ приняли всѣ мѣры, чтобы сдѣлать это соединеніе невозможнымъ. Силы Харьковскихъ рабочихъ были во всякомъ случаѣ еще не настолько значительны, чтобы сломить сопротивленіе сотенъ казаковъ, множества солдатъ, полицейскихъ и жандармовъ. Такимъ образомъ потокъ майскаго движенія разбился на отдѣльные ручьи, и событія въ каждой мастерской, за немногими исключеніями, пошли своимъ чередомъ. И описаніе событій тоже приходится вести отдѣльно для каждой мастерской.

Начнемъ съ мастерскихъ Севастопольской жел. дороги. Здѣсь же больше всего сконцентрировалась и темная сила: въ садахъ Кузина и Гвоздикова и вообще по близости отъ ж.-д. мастерскихъ была скрыта масса солдатъ, казаковъ и жандармовъ. Рабочіе знали это прекрасно и потому имѣли въ виду I-го числа утромъ собраться группами на нѣкоторомъ разстояніи отъ мастерскихъ, дождаться послѣдняго гудка, призывающаго на работу, затѣмъ собраться всѣмъ, пройти по цехамъ, вездѣ пріостановить работу и потомъ двинуться на Конную площадь для соединенія съ другими заводами. Концентрація сразу не удалась, — рабочіе оказались разбросанными кто у воротъ, кто на углу, кто у Кузинскаго моста.

Этимъ воспользовалась администрація въ лицѣ жел.-дор. и другого начальства: стала уговаривать отдѣльныхъ рабочихъ, особенно тѣхъ, что стояли поближе, идти на работу. Для большей убѣдительности въ сторонѣ появился отрядъ казаковъ. Многіе рабочіе, особенно старики, стали колебаться и потянулись въ мастерскія, чтобы уйти отъ упорнаго приставанія къ нимъ начальства. Мало по малу внѣ мастерскихъ осталось слабое меньшинство человѣкъ въ 500. Это были сливки рабочихъ паровозостроительнаго цеха. Они быстро сообразили, что очутились въ неудобномъ положеніи, что цѣлесообразнѣе, не компрометируя себя, войти въ массу и поднять ея духъ. Такъ и сдѣлали. Прошло минутъ

десять, въ теченіе которыхъ сознательное меньшинство энергично поработало и употребило все свое вліяніе — и не безъ результата. Изъ механическаго и сборнаго цеховъ вся толпа ринулась вонъ съ криками: „Ура!“ и „Да здравствуетъ первое мая!“ Желѣзнодорожное и жандармское начальство было тутъ же возлѣ мастерскихъ, но въ массѣ уже возбудилось чувство солидарности, и на начальство не обращено было никакого вниманія. Приблизились къ Кузинскому мосту, который уже чернѣлъ отъ массы покрывавшаго его народа: то были рабочіе вагоннаго цеха, которые на нѣсколько минутъ раньше справились съ своей задачей прекращенія работъ и сквозь ряды казаковъ пробрались по Панасовской улицѣ на мостъ. Встрѣча была восторженная: полетѣли вверхъ шапки и воздухъ огласился привѣтственными криками. Вслѣдъ за тѣмъ прибыли на мостъ и рабочіе съ другихъ цеховъ, гдѣ явившіеся на работу, увидѣвъ себя одинокими, потребовали отъ помощника начальчика мастерскихъ Ключинскаго выпустить ихъ къ товарищамъ. Собралась такимъ образомъ вся жел.-дорожная рабочая армія — около 2500 человѣкъ. Чувство солидарности и своей массовой мощи все болѣе овладѣвало собравшимися, въ особенности когда на срединѣ моста присоединились рабочіе изъ депо, и толпа наросла до 3000 пролетаріевъ. Съ сильнымъ воодушевленіемъ масса двинулась къ заводу троттуарныхъ плитъ Бергенгейма, гдѣ работаетъ до 500 чел. Тамъ настроеніе возбужденное и выжидательное: малѣйшая искра способна была зажечь огонь воодушевленія. Несмотря на постъ изъ нѣсколькихъ казаковъ караулившихъ у запертыхъ воротъ завода Бергенгейма, нахлынувшая рабочая армія безъ труда добилась того, что на шумъ выбѣжали изъ завода рабочіе и выразили согласіе оставить работу. Ворота распахнулись: вышедшіе мужчины присоединились къ демонстрантамъ, а женщины разошлись по домамъ. Съ новой силой толпа двинулась по Панасовской улицѣ, но тутъ наткнулась на плотную стѣну изъ многихъ сотенъ солдатъ и казаковъ въ полномъ вооруженіи. Волна отпрянула въ сторону и направилась къ Ващеновской левадѣ. Здѣсь полились бодрые звуки пролетарской дубинушки. Въ разныхъ мѣстахъ надъ головами присутствующихъ взвились импровизированныя красныя знамена, сооруженныя изъ платковъ, прикрѣпленныхъ къ палкамъ. Рѣчей не было — въ виду множества тайной и явной полиціи, вездѣ рыскавшей. Но оздухъ то и дѣло оглашался кликами, повторявшими выставленныя въ майской прокламаціи требованія и сопровождавшимися могучими „Ура!“ Настроеніе всей массы было радостно-возбужденное. Не прошло и часа, какъ вся Панасовская улица была наводнена солдатами и казаками. Появившійся тутъ же полицмейстеръ, равно какъ офицера, стали просить толпу снять красныя знамена. Полицмейстеръ приказывалъ толпѣ расходиться и грозилъ силой нагаекъ и прикладовъ, но это не дѣйствовало. Но вдругъ въ толпу собравшихся начала надвигаться еще болѣе плотная стѣна царскихъ башибузуковъ. Толпѣ грозила опасность быть стиснутой съ обѣихъ сторонъ и раздавленной. Единственный выходъ былъ — двинуться въ сторону, и толпа повалила въ ворота и черезъ заборы, разсыпалась по ближайшимъ садамъ и огородамъ. На мѣстѣ осталась лишь небольшая кучка человѣкъ въ полтораста. Они были немедленно оцѣплены казаками. Раздалась команда: „Маршъ!“, и арестованные были поведены по Панасовской улицѣ во дворъ воинскаго начальника. Жандармы и околоточные принялись переписывать

арестованныхъ: всѣхъ оказалось 137 человѣкъ. Около 2-хъ часовъ дня ихъ повели подъ сильнымъ конвоемъ въ пересыльную тюрьму. У воротъ воинскаго начальника многихъ арестованныхъ встрѣтили ихъ жены съ дѣтьми, поднявшими крикъ и плачъ. Чувство горькой обиды и озлобленія шевельнулось въ сердцахъ арестованныхъ, и изъ ихъ устъ полились заунывные звуки малороссійской пѣсни „Ревутъ стонутъ горі хвилы“, весьма популярной въ Малороссіи. Царскіе башибузуки, очевидно, мало были тронуты задушевной мелодіей. По крайней мѣрѣ тутъ же разыгралась сценка, вызвавшая чувство негодованія во всѣхъ, кому пришлось быть ея свидѣтелями: въ одномъ переулкѣ къ цѣпи арестованныхъ подошла женщина съ ребенкомъ на рукахъ и протянула руку, чтобы передать пищу своему арестованному мужу. Сейчасъ же солдатъ такъ сильно ударилъ несчастную женщину прикладомъ, что она тутъ же хлопнулась на земь вмѣстѣ съ ребенкомъ. Въ тюрьмѣ арестованныхъ обыскали, отобравъ все, что они имѣли при себѣ, и заперли въ камеры человѣкъ по 40 въ каждую. Вѣсть объ арестѣ быстро распространилась по городу, и у воротъ пересыльной тюрьмы стала собираться толпа рабочихъ, женъ и дѣтей арестованныхъ и множество любопытныхъ. Симпатія всей этой многотысячной толпы была на сторонѣ арестованныхъ, объ освобожденіи которыхъ раздавались отдѣльные голоса. Это озлобленіе по временамъ доходило до крайней степени напряженія. Когда около 6-ти часовъ вечера была подъ сильнымъ конвоемъ приведена въ тюрьму послѣдняя группа человѣкъ въ 30 рабочихъ изъ района паровозостроительнаго завода, со стороны наиболѣе горячихъ элементовъ толпы была сдѣлана попытка освободить арестованныхъ. Эта и подобныя ей попытки были поводомъ неоднократныхъ рѣзкихъ столкновеній съ казаками, которые доходили до крутой расправы съ обнаженными шашками, а нагайкамъ давался полный просторъ; наблюдавшему со стороны то и дѣло приходилось видѣть сцены дикой погони цѣлыхъ отрядовъ казаковъ за группами неравнодушныхъ зрителей. Постепенно толпа озлоблялась все больше и больше, такъ что наконецъ въ ворота тюрьмы полетѣли камни и въ самой тюрьмѣ были перебиты всѣ окна выходившія на улицу. Эта недисциплинированная толпа, въ которой, какъ всегда въ толпѣ любопытныхъ, активную роль играли мальчуганы, была наконецъ разсѣяна не столько пускавшимися въ ходъ казацкими нагайками, сколько наступившей темнотой ночи. Что касается тѣхъ рабочихъ, которые ушли отъ ареста и разсыпались по мѣстности, прилегающей къ жел.-дор. мастерскимъ, то многіе изъ нихъ стали собираться вновь и предполагали собраться въ самой бойкой части города, въ университетскомъ саду и устроить демонстративное шествіе по Сумской улицѣ, но объ этомъ пронюхала полиція и весь университетскій садъ былъ наводненъ шпіонами. (Вообще шпіонамъ въ эти дни пришлось много потрудиться; пускались въ ходъ и фотографическіе аппараты, которыми снимали наиболѣе выдѣляющіяся группы рабочихъ.) Пришлось искать другого мѣста: въ концѣ концовъ собралось всетаки человѣкъ 300 за Ивановкой у опушки лѣса, около пивного завода. Прежде всего удалось остановить работу на кирпичномъ заводѣ Игнатищева. Казаки шныряли и здѣсь. Тѣмъ не менѣе удалось сговориться насчетъ того, какъ вести себя въ дальнѣйшемъ. Рѣшено было на слѣдующій день собраться въ мастерской, но не работать; предъявить рядъ требованій и на первомъ планѣ — требованіе освобожденія арестованныхъ

товарищей. Когда сгустился мракъ ночи, рабочее населеніе Харькова предалось отдыху отъ сильныхъ впечатлѣній пережитого дня. Не отдыхали лишь царскіе опричники, которые, во главѣ цѣлыхъ отрядовъ солдатъ и казаковъ, разъѣзжали по рабочимъ кварталамъ и охраняли шаткія основы власти капиталистовъ и царей.

Во вторникъ 2-го мая составленный наканунѣ планъ дѣйствій былъ блистательно выполненъ. Собравшіеся утромъ рабочіе за работу не принимались и предъявили начальству требованіе немедленнаго освобожденія всѣхъ арестованныхъ наканунѣ товарищей, включая и тѣхъ, которые были забраны съ другихъ заводовъ. Послѣ 3-го гудка начальникъ мастерскихъ усиленно убѣждалъ рабочихъ взяться за работу. Въ отвѣтъ послѣдовало твердое заявленіе того же требованія. Во дворъ паровозосборнаго цеха собрались рабочіе и съ вагоннаго и другихъ цеховъ. Въ 9 часовъ утра пріѣхалъ жандармскій подполковникъ Ковалинскій и отъ имени губернатора просилъ послать къ нему депутатовъ для переговоровъ. Немедленно были выбраны 6 рабочихъ, которые и отправилисъ къ губернатору. Вскорѣ они вернулись и сообщили, что губернаторъ даетъ честное слово немедленно освободить арестованныхъ, какъ только ихъ товарищи возьмутся за работу. Но всѣ въ одинъ голосъ закричали, что не примутся за работу, пока не увидятъ на свободѣ своихъ товарищей всѣхъ до одного. Кь 10 часамъ пріѣхалъ цѣлый букетъ начальственныхъ персонъ: губернаторъ, жандармскій полковникъ Захарьяшевичъ, начальникъ дороги, начальникъ тяги. Всѣ уговаривали рабочихъ начать работать, — отвѣтъ былъ тотъ же рѣшительный. Изъ среды рабочихъ былъ выбранъ одинъ для веденія тутъ же переговоровъ съ губернаторомъ. Выбранный оказался человѣкомъ слабымъ и неумѣющимъ вести переговоры съ превосходительными особами. Ему видимо лестно было, что губернаторъ просилъ его уговорить товарищей повѣрить честному слову Его Превосходительства и приняться за работу. Общій взрывъ негодованія послѣдовалъ такой дружный, что выбранный раньше представитель почувствовалъ себя уничтоженнымъ и поспѣшилъ очистить мѣсто для другого рабочаго, который тутъ же былъ выбранъ и оказался сдѣланъ изъ другого, чисто пролетарскаго тѣста. Видя такое единодушіе и опредѣленность настроенія массы, губернаторъ повелъ сладко-вѣжливую рѣчь на тему о томъ, почему не вѣрятъ ему рабочіе: вѣдь онъ даетъ честное слово и, конечно, его сдержитъ. Вѣдь все дѣло лишь въ возстановленіи порядка. А разъ порядокъ будетъ возстановленъ, работа возобновлена, то онъ, конечно, немедленно освободитъ арестованныхъ. На это твердымъ голосомъ отвѣтилъ губернатору депутатъ-рабочій, что рабочіе не могутъ отказаться отъ своего требованія, что были неоднократно примѣры, гдѣ власти давали честное слово и потомъ не сдерживали его, что честное слово-плохая гарантія, что если губернаторъ дѣйствительно желаетъ возстановить порядокъ, то ему ничего не стоитъ немедленно же приказать освободить арестованныхъ, а ужъ они, рабочіе, со своей стороны, даютъ честное слово сейчасъ начать работу послѣ того, какъ увидятъ своихъ арестованныхъ товарищей свободными. Надо было видѣть, какимъ торжествомъ сіяли лица сознательныхъ рабочихъ, когда раздалась эта звонкая пощечина представителю царской власти. И его превосходительство, получивъ эту пощечину, публично росписался: тутъ же согласился немедленно выпустѣть арестованныхъ и тѣмъ самымъ показалъ, что на честное

слово пролетаріевъ можно скорѣе положиться, чѣмъ на клятвы и обѣщанія царя и его опричниковъ. Немедленно же былъ отправленъ въ тюрьму для освобожденія арестованныхъ рабочихъ подполковникъ Ковалинскій. Самъ губернаторъ поручилъ полковнику Захарьяшевичу выслушать остальныя требованія рабочихъ и тоже отправился въ пересыльную тюрьму. Пока въ мастерскихъ рабочіе вырабатывали текстъ требованій, чтобы предъявить его начальству, въ пересыльной тюрьмѣ губернаторъ отдалъ распоряженіе освободить арестованныхъ. Когда освобожденные вышли стройными рядами изъ воротъ тюрьмы, имъ устроила овацію тысячная толпа, встрѣчая кликами: „Ура!“, „Да здравствуютъ освобожденные!“, „Да здравствуетъ первое мая!“, и бросая шапки вверхъ. Освобожденные съ своей стороны стройно запѣли любимую среди рабочихъ хоровую: „Назови мнѣ такую обитель“. Когда вся эта процессія приблизилась къ дожидавшимся во дворѣ мастерскихъ рабочимъ, тѣ расположились полукругомъ и съ торжествомъ притянули въ него освобожденныхъ товарищей. Тутъ же неудержимо вырвалась наружу радость рабочихъ: освобожденныхъ качали, воздухъ долго оглашался криками: „Да здравствуетъ 1-ое мая!“, „Да здравствуетъ 8-час. рабочій день!“ и пр. Кто былъ участникомъ этой торжественной оваціи, тотъ никогда не забудетъ ея неизгладимаго впечатлѣнія. На долю пролетаріевъ рѣдко выпадаютъ такія минуты наслажденія своей побѣдой. Всѣ чувствовали, что всѣ испытанныя непріятности и даже болѣе продолжительное заключеніе, чѣмъ то, которое выдержали сейчасъ вышедшіе изъ тюрьмы, — ничтожные уколы въ сравненіи съ великимъ счастіемъ видѣть торжество солидарности эксплуатируемыхъ надъ грубой силой угнетателей всякаго рода. Одинъ мигъ торжественное настроеніе толпы чуть-было не было смущено неожиданнымъ обстоятельствомъ. Нѣкоторые принялись пересчитывать освобожденныхъ и не досчитались десятка человѣкъ. Уже былъ поднятъ крикъ: „Мы обмануты!“, какъ въ воротахъ показались недостающіе товарищи, которые, оказалось, нѣсколько отстали, потому что встрѣтились съ своими женами и дѣтьми. Новый взрывъ радости, казалось, не будетъ имѣть конца. Когда все наконецъ успокоилось, присутствующему тутъ же начальству былъ предъявленъ слѣдующій списокъ требованій, который мы приведемъ почти дословно: 1) Перевести въ другое мѣсто или уволить контрольнаго сторожа проходной будки, который былъ безпощаденъ въ строгости по отношенію къ рабочимъ и кромѣ того подозрѣвался въ систематическомъ шпіонствѣ; 2) Уничтожить строгости въ отношеніи къ проходнымъ маркамъ (если рабочій терялъ свою марку, то долженъ былъ нѣсколько дней дожидаться, пока высшее начальство разрѣшитъ выдать ему новую марку, отъ чего рабочій терялъ нѣсколько рабочихъ дней); 3) Устранить злоупотребленія въ обращеніи мастеровъ съ рабочими; 4) Ввести 8-мичасовой рабочій день (!); 5) Увеличить поденнымъ рабочимъ, въ особенности чернорабочимъ, плату на 10%, а ученикамъ на 20%; 6) Повысить расцѣнки; 7) Гарантировать неприкосновенность личности рабочихъ послѣ майскихъ событій; 8) Возстановить право рабочихъ на полученіе въ годъ 6-ти безплатныхъ билетовъ по жел. дорогѣ; 9) Отлучка отъ работы по экстреннымъ надобностямъ не дольше 1 часа не должна влечь за собой вычеты изъ платы; 10) Учредить коммиссію изъ рабочихъ и администраціи мастерскихъ для разбора всякихъ недоразумѣній между обѣими сторонами; 11) Устранить бригадировъ, живущихъ на счетъ рабочихъ; 12) Рабочіе

должны пользоваться тѣми же льготами, что и штатные служащіе (отпуски, наградныя деньги); 13) Увеличить время опозданія на 10 минутъ; 14) Окончаніе работъ въ 2 ½ часа наканунѣ всѣхъ праздниковъ. Присутствующее ж.-д. начальство согласилось сейчасъ же удовлетворить первыя три требованія. Что касается остальныхъ, то послѣ переговоровъ начальство обѣщало препроводить ихъ на разсмотрѣніе въ министерство путей сообщенія.

На слѣдующій день, 3-го мая, всѣ рабочіе ж.-д. мастерскихъ принялись за работу согласно данному ими честному слову. Этмъ собственно закочилось празднованіе 1-го мая ж.-д. рабочими. Но вскорѣ послѣдовали два событія, стоящія въ неразрывной связи съ этимъ празднованіемъ, и наша лѣтопись была бы неполной, еслибы мы не упомянули объ этихъ событіяхъ.

Во вторникъ 9-го мая былъ праздникъ „Николая Чудотворца" — праздникъ не двунадесятый, хотя годовой. До сихъ поръ наканунѣ обыкновенныхъ праздниковъ въ ж.-д. мастерскихъ работа прекращалась въ 5 часовъ послѣ обыкновеннаго 1 ½-часового перерыва на обѣдъ. Въ предъявленныхъ же 2-го числа требованіяхъ пунктъ 14 требовалъ, чтобы работа прекращалась въ 2 ½ часа наканунѣ всѣхъ праздниковъ. Правда, удовлетвореніе этого требованія не было формально обѣщано ж.-д. начальствомъ 2-го мая. Но изъ происходившихъ тогда объясненій съ начальствомъ многіе рабочіе вынесли такое впечатлѣніе, что и это требованіе удовлетворено. Вслѣдствіе этого сознательные элементы убѣждали своихъ товарищей 8-го числа на обѣдъ не уходить и бросить работу въ 2 ½ часа, какъ это дѣлается въ ж.-д. мастерскихъ наканунѣ воскресеній и двунадесятыхъ праздниковъ. Когда былъ данъ въ половинѣ перваго сигналъ на обѣдъ, никто не тронулся съ мѣста. Администрація стала ходить по цехамъ и уговаривать рабочихъ идти обѣдать, угрожая въ противномъ случаѣ вычетомъ за ⅕ рабочаго дня: никто не уходилъ отъ станковъ. Котельный мастеръ вздумалъ было кричать на котельщиковъ и клепальщиковъ, но тѣ угостили его такой аріей, сыгранной молотами и кувалдами по котламъ, что онъ долженъ былъ мгновенно улетучиться, чтобы не оглохнуть. Къ 2 часамъ явился начальникъ дороги и сталъ доказывать, что рабочіе поступаютъ незаконно; но тѣ отвѣчали, что жандармскій полковникъ и начальникъ мастерскихъ соглашались при переговорахъ на уступку этого требованія. Ровно въ 2 ½ часа рабочіе всѣ, какъ одинъ человѣкъ, сами дали себѣ гудокъ и дружной толпой покинули мастерскія. Наиболѣе сознательные элементы находили моментъ благопріятнымъ для того, чтобы стачкой добиться удовлетворенія наиболѣе настоятельныхъ изъ остальныхъ требованій. Однако, по зрѣломъ обсужденіи, рѣшили отложить забастовку до 17-го числа, когда предстояла получка. Уже начались нѣкоторыя приготовленія къ этому моменту. Но забастовкѣ не суждено было осуществиться. За все время начиная съ 3-го мая представители администраціи всѣхъ вѣдомствъ составили коммиссію для обсужденія карательныхъ мѣръ, которыя должны были быть приняты по отношенію къ рабочимъ ж.-д. и другихъ мастерскихъ, забывшихъ правила рабской покорности, обязательной для всякаго, кто имѣетъ счастіе быть подданнымъ батюшки царя. Ежедневно засѣдалъ въ парадныхъ покояхъ вокзала этотъ совѣтъ нечестивыхъ. Жандармерія требовала „жертвъ искупительныхъ". Жел.-дор. начальство указывало на опасность новыхъ осложненій, которыя могутъ быть вызваны арестами.

Въ концѣ концовъ, споры мѣстныхъ властей были, повидимому, прекращены инструкціями, которыя были получены всѣми властями изъ Петербурга отъ соотвѣтствующихъ министровъ. И конечно министры Николая II рѣшили споръ въ пользу жандарменіи. Въ ночь съ 16-го на 17-ое было арестовано 43 рабочихъ послѣ тщательныхъ обысковъ, которые въ сущности ничего особенно компрометирующаго арестованныхъ не обнаружили. Впослѣдствіи въ ночь на 24-ое мая были еще дополнительные аресты 8-ми человѣкъ. Оставшаяся на свободѣ молодежь подняла на слѣдующій же день послѣ арестовъ, 17-го числа, агитацію за прекращеніе работы и предъявленіе требованія освобожденія арестованныхъ. Но поведеніе ж.-д. администраціи, вдохновленной инструкціями отъ высшаго начальства, было на этотъ разъ такъ рѣшительно, а настроеніе большинства рабочихъ, изъ рядовъ которыхъ коварно вырваны были нѣкоторые изъ лучшихъ товарищей, было на этотъ разъ до такой степени неопредѣленно, что болѣе сознательные элементы скоро почувствовали, что моментъ не изъ числа благопріятныхъ для дружнаго дѣйствія массы. Работа однако не начиналась: вездѣ стояли группы рабочихъ, оживленно и озабоченно обсуждавшихъ положеніе дѣла. Замѣтивши это, начальникъ мастерскихъ предложилъ рабочимъ собраться у проходной будки для объясненія съ администраціей. Когда это было сдѣлано, рабочіе потребовали къ себѣ ж.-д. жандармскаго подполковника Ковалинскаго для объясненія арестовъ, произведенныхъ въ нарушеніе честнаго слова губернатора. Тотъ сдѣлалъ невинную мину и замѣтилъ, что новые аресты произведены не ж.-д., а губернской жандармеріей. Этимъ онъ, конечно, рабочихъ не удовлетворилъ. Пріѣхалъ вслѣдъ за этимъ и начальникъ дороги. Этотъ безъ всякихъ околичностей прочиталъ рабочимъ циркуляръ министра путей сообщенія, который грозилъ немедленнымъ увольненіемъ и высылкой всѣхъ, кто на слѣдующій день не станетъ на работу. Высокопросвѣщенный начальникъ дороги счелъ нужнымъ обозвать рабочихъ политическими преступниками, говоря, что они идутъ противъ царя! Хотѣлъ ли онъ этимъ сказать, что царь и улучшеніе положенія рабочихъ — непримиримыя вещи? Во всякомъ случаѣ болѣе сознательные рабочіе видѣли, что добиться забастовки въ настоящій моментъ, если даже возможно, врядъ ли цѣлесообразно. Превосходство боевой готовности было на этотъ разъ на сторонѣ администраціи, а не рабочихъ. При томъ неизбѣжные въ случаѣ забастовки новые аресты могли бы представить для сознательныхъ рабочихъ слишкомъ сильное кровопусканіе. Такимъ образомъ работа послѣ обѣда была возобновлена. Черезъ двѣ недѣли изъ числа арестованныхъ были выпущены 17 человѣкъ. Остальные сидятъ и по сію пору и держатъ себя при допросахъ хорошо.

Удачно ли выбрали жандармы свои жертвы? Могутъ ли они теперь быть спокойными на счетъ ж.-д. мастерскихъ? Не мы, конечно, станемъ имъ давать разъясненія по этимъ вопросамъ, тѣмъ болѣе, что недалекое будущее, надѣемся, дастъ жандармамъ отвѣтъ на этотъ, какъ и на многіе другіе вопросы. Несомнѣнно только, что въ славные дни мая рабочіе Харьковскихъ ж.-д. мастерскихъ на цѣлую голову выросли въ своихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего рабочаго класса. Они проявили такой богатый запасъ жизненныхъ силъ, надъ дальнѣйшимъ развитіемъ которыхъ стоитъ потрудиться. Нива богата. Не дремлите же, сѣятели!

Нѣсколько иную картину представляетъ первомайское движеніе на паровозостроительномъ заводѣ — самомъ крупномъ, но совсѣмъ еще юномъ (существуетъ всего четыре года) промышленномъ заведеніи Харькова. Здѣсь брошюры и прокламаціи были распространены успѣшно. Прокламаціи читали чуть-ли не всѣ рабочіе. Нѣсколько штукъ было даже наклеено въ мѣстахъ, особенно часто посѣщаемыхъ рабочими. Чтеніе ихъ, повидимому, больше всего подѣйствовало въ тѣхъ цехахъ, гдѣ условія труда хуже. Въ общемъ, однако, настроеніе было неопредѣленное, выжидательное. Многіе на вопросъ, какъ они будутъ вести себя въ день перваго мая, такъ и отвѣчали: „Посмотримъ, какъ другіе поступятъ, такъ и мы". Другіе въ отвѣтъ ссылались на вывѣшенныя „афиши" (т. е. прокламаціи), въ которыхъ написано, молъ, то-то и то-то; слѣдовало перечисленіе главныхъ требованій, выставленныхъ въ прокламаціяхъ. Это перечисленіе сопровождалось объясненіемъ, что, молъ, „съ нами обращаются, какъ со скотомъ, и потому мы должны добиваться лучшаго положенія". Третьи предлагали, съ своей стороны, вопросы, вызванные у нихъ чтеніемъ прокламацій, въ родѣ, напр., того, что значитъ представительное правленіе? Пришлый деревенскій людъ, едва только оторвавшійся отъ сохи, подъ вліяніемъ общихъ толковъ и возбужденія, либо не понималъ, какъ это рабочій, празднуя первое мая, улучшитъ свое положеніе, либо, наоборотъ, былъ увѣренъ, что, не работая день перваго мая, онъ сразу достигнетъ всякаго благополучія. Надъ этой разношерстной массой возвышалось сравнительно небольшое число пролетаріевъ, понимавшихъ значеніе и смыслъ майскаго праздника и отношеніе его къ рабочему движенію.

Перваго мая явились на работу въ урочное время. Особенность дня уже подчеркивало множество полицейскихъ и казаковъ у завода. Ихъ присутствіе не помѣшало двумъ изъ наиболѣе горячихъ пролетаріевъ стоять у завода и останавливать идущихъ на работу. Въ модельномъ цехѣ многіе вовсе не явились на работу. Въ остальныхъ цехахъ, хотя явились почти всѣ, но за работу почти никто не принимался: если кто брался за инструменты, то его сейчасъ побуждали бросить ихъ. Больше всего настойчивости проявилъ механическій цехъ. Туда около 7 съ половиной часовъ утра явился фабричный инспекторъ и обратился къ рабочимъ съ вопросомъ, почему они не работаютъ. Отвѣтъ былъ очень остроумный: боимся, дескать, что „городскіе" рабочіе будутъ насъ бить, такъ какъ „городскіе" сегодня не работаютъ. Явился помощникъ директора и сталъ серьезно уговаривать, что имъ нечего бояться быть побитыми: къ услугамъ завода, молъ, сколько угодно войска, и васъ никто не посмѣетъ тронуть. Но рабочіе твердо стояли на своемъ, увѣряя, что если ихъ не будутъ бить теперь у завода, то въ другомъ мѣстѣ и потомъ, когда все уляжется. Фабричный инспекторъ предложилъ вопросъ, не имѣютъ-ли рабочіе предъявить какія-нибудь жалобы или требованія. Несмотря на то, что въ толпѣ были слышны возгласы недовольства на счетъ расцѣнокъ, весьма низкихъ въ механическомъ цехѣ, требованій никакихъ не было предъявлено въ этотъ моментъ. За то всѣ продолжали твердить, что, если будутъ работать въ день перваго мая, то ихъ будутъ бить. Не знаемъ, принялъ-ли фабричный инспекторъ и помощникъ директора въ серьезъ увѣреніе рабочихъ, что 3-4 тысячи рабочихъ боятся быть побитыми кѣмъ-то. Во всякомъ случаѣ, придраться было не къ чему, и, въ виду упорства ра-

бочихъ, администраціи ничего другого не оставалось дѣлать, какъ предложить рабочимъ разойтись по домамъ. „Васъ за сегодняшній день штрафовать не будутъ, но завтра на работу явитесь“, озабоченно оповѣстилъ фабричный инспекторъ. Домой, однако, рабочіе механическаго цеха не пошли, а направились въ сборный цехъ — самый большой съ съ 1500 раб. Послѣдніе распадаются на двѣ категоріи: мѣстныхъ и пришлыхъ. Пришлые носятъ кличку „брянцевъ“, потому что часть ихъ прибыла въ Харьковъ съ Брянскаго завода, гдѣ работалъ раньше и мастеръ цеха, Гороховъ. Онъ съ собой привезъ партію брянскихъ рабочихъ, которымъ онъ усиленно покровительствовалъ, давая имъ зарабатывать отъ 80 до 100 руб. въ мѣсяцъ. Эта группа рабочихъ представляетъ самый реакціонный элементъ сборнаго цеха. Да и большинство въ немъ навербовано изъ крестьянской среды, благодаря чему господствующій тонъ здѣсь консервативный. Привилегированные брянцы, конечно, удерживали своихъ товарищей отъ участія въ майскомъ праздникѣ. Мѣстные же рабочіе, наоборотъ, старались поддержать движеніе въ другихъ цехахъ. Крики и требованія ворвавшихся сюда рабочихъ механическаго цеха подѣйствовали, всѣ бросили работу, спрятали инструменты и одѣлись. Но когда хотѣли уходить, у входа появился мастеръ Гороховъ и сталъ увѣщаніями, угрозами и даже насильно удерживать рабочихъ въ мастерской. Благодаря своему сильному вліянію, Гороховъ съумѣлъ удержать отъ выхода большую половину своего цеха. Но когда черезъ полчаса прошелъ кузнечный цехъ, а затѣмъ и котельный, Гороховъ больше не въ силахъ былъ справиться со своимъ цехомъ, который не хотѣлъ составить исключеній.

Въ 10 съ половиной часовъ утра на заводѣ не было ни одного рабочаго. Гигантскій механизмъ прекратилъ свою работу, точно не смѣя нарушать своимъ грохотомъ и шумомъ свѣтлое торжество всемірнаго рабочаго праздника. Изъ числа оставившихъ работу на паровозостроительномъ заводѣ часть, въ составѣ около 300 чел., направилась бодрой группой къ механическому заводу Бельгійскаго товарищества. Сюда же потомъ подошло еще чел. 500. Всѣ столпились у воротъ и добились прекращенія работъ. Тоже было продѣлано и у воротъ завода Штейна. Число манифестантовъ дошло до 2000 чел. Надъ ихъ головами высоко взвилось красное знамя. Толпа направилась дальше, разсчитывая остановить работу на казенномъ винно-очистительномъ складѣ и на заводѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ Гельферихъ-Саде, а потомъ на Конной площади встрѣтиться съ рабочими ж.-д. мастерскихъ и другихъ заводовъ. Но всѣ улицы и переулки по пути на Конную площадь были заняты отрядами солдатъ и казаковъ. Толпа была разсѣяна; человѣкъ 30, упорно пробивавшихся впередъ, были оцѣплены казаками, отведены въ пересыльную тюрьму и раздѣлили участь своихъ 137 товарищей съ ж.-д. мастерскихъ, т. е. были на слѣдующій день торжественно освобождены по единодушному требованію ж.-д. рабочихъ.

2-го мая рабочіе прибыли на заводъ въ еще большемъ возбужденіи, чѣмъ 1-го. Полиціи и войска оказалось также больше, чѣмъ наканунѣ. У самыхъ воротъ расположилась цѣлая сотня вооруженныхъ казаковъ. За ними у Кирилло-Меѳодіевскаго кладбища торчалъ лѣсъ солдатскихъ штыковъ. Говорили, что солдаты помѣщены и на заводѣ. Работа началась въ урочное время во всѣхъ цехахъ, за исключеніемъ

механическаго цеха, гдѣ за работу никто не принимался, а собирались кучками и толковали между собой. Явился помощникъ директора съ вопросомъ, почему не работаютъ. Откликнулась молодежь, которая стала указывать на низкія расцѣнки, тяжелыя условія труда и пр. Помощникъ директора запѣлъ обычную въ такихъ случаяхъ пѣсенку: кому, дескать, не нравится, тотъ можетъ отправиться. Вслѣдъ за нимъ ту же пѣсню пропѣлъ и фабричный инспекторъ, подчеркивая, такимъ образомъ, свою преданность интересамъ капитала. Тогда рабочіе одѣлись и съ крикомъ „Ура!“, „Бросай работу!“ бросились въ сборный цехъ. Тамъ всѣ поспѣшили одѣться и хотѣли уже уйти, какъ снова появилась фигура Горохова, который сталъ дѣйствовать на „своихъ“. Немногимъ удалось изъ сборнаго цеха выбраться: они направились въ котельный и кузнечный цехъ, гдѣ рабочіе ихъ ждали, уже одѣтые. Такимъ образомъ, до обѣда работа, хотя и не полная, продолжалась лишь въ сборномъ цехѣ. Послѣ обѣда собравшіеся у заводскихъ воротъ рабочіе образовали огромную толпу. Отъ нея поодаль стояла сотня казаковъ. Настроеніе было мирное. Нѣкоторые рабочіе подходили къ казакамъ, шутили и смѣялись. Около часа дня казаки отъѣхали нѣсколько дальше отъ толпы, изъ среды которой раздались свистъ и гиканье. Въ это время со стороны Петинской улицы приближалось еще десятка два казаковъ, которымъ пришлось въѣхать въ толпу. Нѣкоторые рабочіе, желая испугать лошадей, начали еще сильнѣе свистать, а когда казаки подвинулись нѣсколько дальше въ глубь толпы, изъ заднихъ рядовъ ея было брошено нѣсколько камней, которыми нѣкоторые казаки были ранены. Тогда казаки, пришпоривъ лошадей, ринулись въ толпу и стали расправляться съ ней, дѣйствуя пиками и нагайками. Отъ неожиданнаго нападенія толпа въ паникѣ кинулась въ заводскія ворота, которыя не выдержали сильнаго напора. Во дворѣ рабочіе стали искать камней и пр., но казаки уже успѣли ускакать. Въ результатѣ этого неожиданнаго столкновенія оказалось нѣсколько раненыхъ рабочихъ, которые были немедленно отправлены въ больницу. Нападеніе казаковъ озлобило всѣхъ въ этотъ день, и на работу не пошли даже тѣ, которые были противъ забастовки. На слѣдующій день, 3-го мая, начали спокойно работать, кое-гдѣ слышались даже замѣчанія, что забастовка кончена. Но въ механическомъ цехѣ работали мало, только для вида. Послѣ обѣда механическій цехъ совсѣмъ не принимался за работу. Явились помощникъ директора и фабричный инспекторъ, которымъ пришлось выслушивать со всѣхъ сторонъ разныя требованія. На предложеніе — выбрать депутатовъ для переговоровъ, — рабочіе сначала отвѣтили отказомъ, опасаясь, что депутаты пострадаютъ. Но когда фабричный инспекторъ нѣсколько разъ подтвердилъ своимъ честнымъ словомъ, что депутатовъ не будутъ трогать, рабочіе вышли въ цехъ и, выбравъ десять человѣкъ для переговоровъ, снабдили ихъ всевозможными инструкціями. Депутаты были немедленно приняты директоромъ завода Рицци и фабричнымъ инспекторомъ. Депутаты, представлявшіе механическій цехъ (изъ другихъ цеховъ депутаціи не были приняты вовсе), предъявили отъ его имени слѣдующія требованія: 1) Увеличеніе расцѣнокъ; 2) сократить рабочій день съ 10 съ полов. час. до 10 час.; 3) наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней работать 8 час.; 4) получка должна производиться въ рабочіе часы. Первый держалъ отвѣтъ фабричный инспекторъ Быковъ:

онъ, молъ, ничего сдѣлать не можетъ, все это дѣло директора; съ своей стороны, онъ, Быковъ, находитъ, что требованіе 10-тичасоваго рабочаго дня незаконно со стороны рабочихъ, такъ какъ по закону „полагается“ работать 11 съ половиной часовъ. Такъ гласитъ судъ новаго фабричнаго Соломона, который законъ о максимальномъ рабочемъ днѣ въ 11 съ пол. часовъ толкуетъ такъ, что меньше работать незаконно. Этотъ же господинъ Быковъ находитъ совершенно законной работу въ 12 и 12 съ пол. часовъ на здѣшнихъ конфектныхъ фабрикахъ. Такимъ образомъ, „защитникъ“ интересовъ рабочихъ, фабричный инспекторъ Быковъ, умудрился превратить максимальный рабочій день по закону 2-го іюня въ минимальный рабочій день. Относительно остальныхъ требованій г. Быковъ, чтобы совсѣмъ уже отличиться передъ директоромъ завода, сталъ разъяснять рабочимъ, что, поступая на заводъ, они знали условія работы, а слѣд... и т. д. Но премію за остроуміе заслужилъ несомнѣнно директоръ Риццони: онъ заявилъ, что требованій удовлетворить не можетъ, такъ какъ механическій цехъ и безъ того не оплачиваетъ себя и не вырабатываетъ затрачиваемыхъ на него средствъ. Такимъ образомъ оказывается, что не акціонеры паровозостроительнаго завода эксплуатируютъ рабочихъ, а наоборотъ, рабочіе эксплуатируютъ акціонеровъ! Они, несчастные, не получаютъ отъ труда рабочихъ никакихъ барышей, а наоборотъ, терпятъ одни убытки, и ведутъ дѣло исключительно, чтобы облагодѣтельствовать рабочихъ! А жаль, что среди депутатовъ не нашлось ни одного, который бы надлежащей отповѣдью отмѣтилъ все безстыдство директорской философіи. Депутатамъ оставалось уйти, не солоно хлѣбавши. На прощаніе они еще разъ просили, чтобы члены депутаціи не пострадали. Директоръ далъ имъ увѣреніе въ этомъ. Всѣ увѣренія фабричнаго инспектора и директора не помѣшали, однако, тому, что недѣлю спустя восемь человѣкъ изъ депутатовъ были разсчитаны. Видно, фабричная инспекція и заводская администрація такъ же умѣютъ сдерживать честное слово, какъ жандармерія. Настоящая троица! Среди рабочихъ господствовало недовольство результатами переговоровъ, но для дружнаго отстаиванія своихъ требованій не доставало подготовки и иниціативы. На слѣдующій день утромъ опять работали, а въ обѣдъ рабочіе механическаго цеха собрались передъ воротами и никого на заводъ не пускали. На сцену опять появился саврасъ безъ узды, г. Быковъ. Онъ опять затянулъ пѣсню о „беззаконіи“... конечно, не капиталистовъ и властей, а рабочихъ; снова предлагалъ рабочимъ взяться за работу. Послушался его одинъ... мальчуганъ, больше никто не двинулся съ мѣста. Г. Быковъ совсѣмъ разсвирѣпѣлъ и сталъ ругать рабочихъ отборною бранью. Слова: дураки, болваны, баранье стадо и т. п. такъ и сыпались изъ его... благороднаго рта. Когда кто-то изъ рабочихъ замѣтилъ фабричному инспектору, что инспекція должна отстаивать интересы рабочихъ, г. Быковъ запальчиво возразилъ, что не интересы рабочихъ, а „законъ“ долженъ онъ охранять; рабочіе же только нарушаютъ законъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не правъ былъ г. Быковъ? Наивный рабочій вообразилъ себѣ, что царское правительство создало фабричную инспекцію для защиты интересовъ рабочихъ. Заблужденіе! резонно возражаетъ Быковъ. Правительство царя создало фабричную инспекцію для охраненія „закона“. „Законъ“ самодержавнаго правительства — это эксплуатація и гнетъ. Вотъ эту экс-

плуатацію и угнетеніе рабочаго класса и охраняетъ фабричная инспекція. Рабочіе должны быть благодарны г. Быкову за его откровенность! Быковъ однако не ограничился откровоннымъ объясненіемъ и принялся вновь осыпать рабочихъ отборной руганью. Тѣ въ долгу не оставались: въ присутствіи толпы въ нѣсколько тысячъ человѣкъ по адресу г. Быкова раздавались привѣтствія, въ родѣ: „Взяточникъ!", „Накачался у директора шампанскаго!", „Пришелъ сюда ругаться съ пьяныхъ глазъ" и пр. Наконецъ, пришелъ окружной фабричный инспекторъ Гнѣдичъ и въ спокойномъ тонѣ сталъ разспрашивать рабочихъ о причинѣ недовольства. Но отвѣты послѣдовали чрезвычайно разнородные, такъ что въ нихъ невозможно было разобраться. Гнѣдичъ попросилъ изложить требованія письменно. Изъ толпы выдѣлилось нѣсколько человѣкъ, которые общими силами формулировали и записали требованія, сводившіяся къ 6 пунктамъ; четыре изъ нихъ представляютъ повтореніе требованій, предъявленныхъ наканунѣ, а два новыхъ были: 1) Избраніе изъ среды рабочихъ и администраціи коммиссіи, которая бы разрѣшала въ будущемъ недоразумѣнія, возникающія между рабочими и заводской администраціей и 2) болѣе человѣчное обращеніе мастеровъ и монтеровъ съ рабочими. Требованія были приняты Гнѣдичемъ для разсмотрѣнія. Этимъ и закончилось майское движеніе на паровозостроительномъ заводѣ. Само собою разумѣется, что и этотъ заводъ долженъ былъ принести нѣсколько жертвъ кровожадному чудовищу: жандармской полиціи; одновременно съ арестомъ ж.-д. рабочихъ было арестовано около десяти рабочихъ паровозостроительнаго завода.

Мы умышленно остановились подробно на майскихъ событіяхъ въ ж.-д. мастерскихъ и на паровозостроительномъ заводѣ (въ изложеніи хода событій мы придерживались по возможности близко описаній ихъ, составленныхъ рабочими этихъ мастерскихъ); послѣ изложеннаго мы можемъ (да и недостатокъ мѣста побуждаетъ къ этому) по отношенію къ остальныхъ мастерскимъ ограничиться общей картиной майскихъ событій, не останавливаясь на каждой мастерской въ отдѣльности.

Какъ уже выше было замѣчено, майскія брошюры и листки были распространены до 1-го мая всюду, не только на болѣе или менѣе крупныхъ заводахъ, но и во многихъ мелкихъ мастерскихъ и ремесленныхъ заведеніяхъ города и проникли даже въ его окрестности: листки были распространены въ типографіяхъ, картонажныхъ и переплетныхъ, въ кондитерскихъ и конфектныхъ фабрикахъ, въ портняжныхъ и сапожныхъ мастерскихъ и проч. Успѣхъ этой майской литературы былъ несомнѣнный: читали и толковали о ней и тамъ, гдѣ работа 1-го мая не была прекращена. Хозяева и ихъ приспѣшники, какъ ищейки, принялись вылавливать листки и отыскивать пути, которыми литература попала внутрь мастерскихъ. У Гельферихъ-Саде директоръ завода сталъ путемъ допроса сторожей допытываться, кто изъ рабочихъ раньше пришелъ. Но изъ этого всего ничего не вышло. Всѣ поиски были безплодны. Тогда мастера и монтеры начали высматривать, кто имѣетъ у себя листки и дѣлать попытки ихъ отнять. Нѣкоторые рабочіе отдавали. Во многихъ мѣстахъ разыгрывались любопытныя сценки погони мастера за рабочимъ, не желавшимъ отдать листокъ или брошюру. Весьма характерная бытовая сцена разыгралась у Пильстрема. Мастеръ, извѣстный подъ именемъ „дохлая кошка", принялся отнимать литературу и натолкнулся на одного рабочаго-малоросса, натуру непосред-

ственную и упрямую. Долго гонялась по мастерской „дохлая кошка“ за рабочимъ, державшимъ брошюру въ одной рукѣ, листокъ въ другой. „Для чего же книжка написана, какъ не для чтенія?“ возмущался хохолъ. Объясненіе мастера, что книжка эта не дозволена правительствомъ, не удовлетворило рабочаго. Тогда мастеръ и механикъ принялись насильно отнимать у него брошюру. „Отдай!“, пристаетъ механикъ. „Не віддамъ, съ сердцемъ отвѣчаетъ хохолъ, на що-жъ це батько мене пять літъ учивъ и гроши платывъ, а теперь у мене е книжка; а ви не даете чітать! Не віддамъ книжци!“ Отчетливая и рѣшительная рѣчь хохла поразила механика и „дохлую кошку“, и они оставили его въ покоѣ.

Въ самый день 1-го мая почти вездѣ, гдѣ рабочіе пришли на работу, послѣдняя не клеилась; господствовало возбужденное, но выжидательное настроеніе, которое рабочій одного небольшого завода въ своемъ описаніи характеризуетъ такими словами: „Но вотъ уже 7 часовъ, чего-то всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, какъ прилива морского. Этотъ приливъ есть: разносится слухъ, что казенныя мастерскія не работаютъ, все суетится“ и проч. Этотъ „приливъ“, т. е. свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ жел.-дор. („казенныхъ“) мастерскихъ, игралъ, повидимому, большую роль. Къ жел.-дор. мастерскимъ (а отчасти — смотря по району — и къ паровозостроительному заводу) направлено было вниманіе всѣхъ: отъ нихъ должна была исходить иниціатива. Въ зависимости отъ того, когда доходили до данной мастерской свѣдѣнія о главныхъ иниціаторахъ, въ ней бросали работу раньше или позже: на Бельгійскомъ заводѣ въ 11 часовъ, у Бельке въ 8 часовъ, у Эйнгорна въ 11, у Пильстрема въ 9 час. и т. д. Изъ нѣкоторыхъ мастерскихъ послали въ жел.-дор. мастерскія развѣдчиками мальчугановъ. Бросая работу, рабочіе вездѣ почти объясняли хозяевамъ свое поведеніе опасеніемъ, что ихъ будутъ бить тѣ, которые раньше бросили работу. Возможно, что нѣкоторые искренно питали такое опасеніе. На хозяевъ, во всякомъ случаѣ, дѣйствительно нагналъ страхъ выдвигавшійся рабочими мотивъ. Когда, напр., по близости отъ завода Эйнгорна показалась группа рабочихъ чел. въ 20, хозяинъ завода былъ объятъ такимъ страхомъ, что самъ предложилъ своимъ рабочимъ умыться, почиститься и выйти тайкомъ съ завода, чтобы никто не могъ видѣть, что у него была работа. На другомъ заводѣ братьевъ Игнатовыхъ, съ 150 раб., гдѣ въ день 1-го мая работало лишь человѣкъ 50, администрація завода приняла рядъ мѣръ: ворота, которые постоянно во время работы открыты, были цѣлый день заперты на замокъ; всѣ работы, сопрождающіяся стукомъ, были прекращены; вечеромъ работа была прекращена на полчаса раньше обыкновеннаго. Тамъ, гдѣ рабочіе требовали прекращенія работъ, указывая на то, что ихъ могутъ избить, хозяева чистосердечно заявляли, что власти предоставили въ ихъ распоряженіе и войско, и жандармовъ, и шпіоновъ. На заводѣ Гельферихъ-Саде, гдѣ до обѣда рабочіе оставались на заводѣ, директоръ просилъ рабочихъ не выходить изъ завода обѣдать, предлагая имъ тутъ же на заводѣ угощеніе изъ хлѣба, колбасы и пива. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рабочіе отправили къ заводской администраціи депутатовъ съ заявленіемъ, что они бросаютъ работу въ день 1-го мая. Да и перваго мая настроеніе рабочихъ не было неизвѣстнымъ въ средѣ предпринимателей. Директоръ паровозостроительнаго завода Риццони еще въ

субботу 29-го апрѣля проектировалъ увеличить плату своимъ рабочимъ за день 1-го мая на 20 проц., лишь бы они отказались отъ празднованія. Но ближе стоящіе къ рабочимъ мастера убѣдили его въ безсиліи такого способа парализовать майское празднованіе. Въ концѣ концовъ къ 12 час. дня прекратили работу слѣдующія мѣста: ж.-дор. мастерскія и депо — 3000 р., паровостроительный зав. — 3500 р., Бельгійскій заводъ — 700 р., заводъ Гельферихъ-Саде — 500 р., Трепке — 300 р., Бельке — 300 р., Пильстрема — 400 р., Бергенгейма — — 500 р., затѣмъ Эйнгорна, Сѣрикова, Мильгозе, Рыбальченко, Денисова, Закржевскаго, Шиманскаго, мастерскія Дорфъ, Деглау, Меларъ-Армандинъ (женскій портной), мебельная мастерская Иванова, заготовщицкія мастерскія, рядъ ремесленныхъ мастерскихъ (столярныхъ, слесарныхъ, портняжныхъ и пр.) и нѣкоторыя типографіи, въ общей сложности около десяти тысячъ работающихъ въ однихъ только механическихъ заводахъ, не считая всѣхъ бросившихъ работу въ остальныхъ отрасляхъ фабрично-заводской и ремесленной промышленности города Харькова. Волненіе отразилось и въ нѣкоторыхъ окрестностяхъ города, главнымъ образомъ, на канатной фабрикѣ въ Новой Баваріи и въ депо и мастерскихъ на ст. Лоботинъ.

По всѣмъ улицамъ города видны были группы празднующихъ рабочихъ. Если присоединить къ прогуливающимся и манифестантамъ-рабочимъ множество любопытныхъ, затѣмъ передвиженіе и суету цѣлыхъ отрядовъ солдатъ, казаковъ, жандармовъ и полиціи, то можно себѣ составить понятіе о напряженности, въ которой находился Харьковъ 1-го мая. Весь городъ жилъ неожиданнымъ событіемъ. Можно смѣло сказать, что въ этотъ день весь Харьковъ и его окрестности стояли „подъ знакомъ“ майскаго праздника рабочаго класса. Напряженность атмосферы нашла свое отраженіе и въ печатной прокламаціи, выпущенной... губернаторомъ: 5-го мая по городу и въ особенности въ рабочихъ кварталахъ было расклеено „Обязательное постановленіе“ Харьковскаго губернатора отъ 2-го числа, которое, въ силу положенія объ усиленной охранѣ государственнаго „порядка“, грозило строгими карами за всякія сборища на улицахъ и площадяхъ. По всей видимости, губернаторская прокламація произвела на рабочихъ значительно меньше впечатлѣнія, чѣмъ та, которая призывала къ празднованію 1-го мая: по крайней мѣрѣ, она не помѣшала рабочимъ ж.-д. мастерскихъ и паровозостроительнаго завода, какъ мы раньше видѣли, собираться массами у мастерскихъ и послѣ 1-го числа. Въ отдѣльныхъ случаяхъ и отдѣльныя лица изъ рабочей среды проявляли въ майскіе дни уже совсѣмъ опредѣленное направленіе и стремленія. Когда 4-го мая окружной фабричный инспекторъ Гнѣдичъ, пріѣхавъ къ рабочимъ, спросилъ, чего собственно они хотятъ, то одинъ пролетарій безъ обиняковъ выпалилъ: „Конституціи!“ Еще до 1-го мая, на одномъ заводѣ, когда были разбросаны прокламаціи, то мастеръ этого завода вслухъ одобрялъ ихъ содержаніе, говорилъ, что нужно праздновать 1-го мая и совѣтовалъ рабочимъ: „Не требуйте 8-мичасоваго рабочаго дня, вамъ его все равно не дадутъ, — а празднуйте и требуйте конституціи, чтобы вы могли бороться съ капиталистами!“ Красное знамя и массовыя народныя пѣсни, — къ сожалѣнію, еще не пролетарски-революціонныя, — были, какъ будто, привычнымъ дѣломъ для многихъ харьковскихъ рабочихъ. Кромѣ случаевъ, о которыхъ мы уже упомянули

при описаніи майскаго празднованія въ ж.-д. мастерскихъ и паровозостроительнаго завода, укажемъ еще на заводы Пильстрема и Бельке. По прекращеніи работы у Пильстрема рабочіе, направившіеся къ Конной площади и встрѣтившіеся на этомъ пути съ рабочими съ завода Бельке, шествовали съ двумя красными знаменами и подъ звуки „Дубинушки“ и Некрасовской „Назови мнѣ такую обитель“.

Послѣ 1-го мая работа не вездѣ возобновилась, помимо жел.-дор. мастерскихъ и паровозостроительнаго завода. Съ первомайскимъ праздникомъ и манифестаціей неожиданно переплелись различныя практическія требованія, предъявленныя безъ соотвѣтствующей подготовки и организаціи и поэтому, конечно, осужденныя въ общемъ на неудачу. На Бельгійскомъ заводѣ, гдѣ продолжалось волненіе нѣсколько дней послѣ 1-го мая, были 3-го числа предъявлены такія требованія: 1) Уволить директора Нагеля за придирчивость и притѣсненіе рабочихъ; 2) уничтожить штрафы; 3) ввести 8-мичасовый рабочій день; 4) повысить заработную плату; 5) улучшить помѣщеніе столовой, темной и находящейся рядомъ съ конюшней; 6) улучшить обращеніе администраціи съ рабочими; 7) устроить рукомойники и предоставить передъ обѣдомъ и окончаніемъ работы по 5 минутъ для умыванія; 8) прибавить утромъ и послѣ обѣда по 10 минутъ для впуска запоздавшихъ рабочихъ. Требованія обѣщано разсмотрѣть, но рабочіе не принимались за работу ни 3-го, ни 4-го мая, не смотря на угрозу поголовнаго увольненія. Бельгійскій заводъ, къ сожалѣнію, могъ свободно привести въ исполненіе свою угрозу. Дѣло въ томъ, что этотъ заводъ, какъ говорятъ, имѣлъ срочные заказы, неисполненіе которыхъ къ сроку обусловлено было значительной неустойкой. Эта неустойка грозила до 1-го мая заводу, который не могъ кончить заказа къ сроку. Майскія событія выручили заводъ, освобождая его отъ уплаты неустойки, такъ какъ онъ могъ просрочку заказа объяснить независящими обстоятельствами — забастовкой рабочихъ. 5-го числа всѣмъ рабочимъ завода былъ объявленъ разсчетъ. Иногороднихъ высылали на родину за полученіемъ паспортовъ, препровожденныхъ туда полиціей. Получившіе паспорты возвращались обратно. Дня черезъ три начался вновь пріемъ рабочихъ, раньше разсчитанныхъ, при чемъ, однако, многихъ вновь не приняли.

На заводѣ бр. Игнатьевыхъ 2-го мая послѣ обѣда тоже была брошена работа вслѣдствіе слуховъ о событіяхъ въ жел.-дор. мастерскихъ и на паровозостроительномъ заводѣ, а 3-го тоже послѣ обѣда было предъявлено требованіе сокращенія рабочаго дня съ 11 съ полов. до 10 съ полов. часовъ. 4-го работы не было, такъ какъ требованіе удовлетворено не было. Наиболѣе настойчивые продолжали поддерживать бодрое настроеніе въ другихъ, и работы не было. Но 5-го числа одинъ котельщикъ, мѣтившій на должность мастера, измѣнилъ стачечникамъ; за нимъ послѣдовали двое кузнецовъ и двое слесарей. Послѣ этого и остальные рабочіе постепенно возобновили работу.

На заводѣ Гельферихъ-Саде 3-го мая работа прекратилась съ завтрака вслѣдствіе слуховъ о событіяхъ на паровозостроительномъ и Бельгійскомъ заводахъ. Послѣ долгихъ попытокъ предъявить требованія директору завода и фабричному инспектору Быкову, которые отказывались выслушивать какія-либо требованія, явился вице-губернаторъ, которому рабочіе предъявили слѣдующія требованія: (приводимъ ихъ дословно): 1) Чтобы въ субботу шабашить въ 5 часовъ и послѣ

гудка получка чтобы была сейчасъ; 2) чтобы машина останавливалась безъ 10 минутъ въ 5 час., т. е. 10 мин. на вытирку; 3) повышеніе расцѣнокъ и прибавка жалованья; 4) при заработкѣ аккордомъ чтобы скидки не было; 5) чтобы были выдаваемы расцѣночные табеля, т. е. расцѣнка на каждую вещь впередъ; 6) подъ двунадесятые праздники шабашить въ половинѣ шестого; 7) чтобъ аккордъ заканчивался отъ 1-го и по 1-ое; 8) чтобы администрація завода обращалась вѣжливо съ мастеровыми. Всѣ эти требованія провести не удалось, вслѣдствіе той-же неорганизованности и неподготовленности, къ которымъ присоединился временный расколъ среди рабочихъ совсѣмъ исключительнаго свойства: какъ разъ наканунѣ 1-го мая Гельферихъ-Саде, согласно завѣщанію своего умершаго брата и компаніона, роздалъ работающимъ долгое время на этомъ заводѣ рабочимъ (около 120 чел.) денежныя суммы, доходившія до 1000 руб., всего около 22.000 руб. Это и создало ко времени майскихъ событій кадръ благодарныхъ „стариковъ", противившихся всякому движенію. Тѣмъ не менѣе, большинство требованій было удовлетворено, именно всѣ, кромѣ тѣхъ, которыя выражены въ пунктахъ 1 и 3. Нельзя не отмѣтить опять-таки безстыдство, которое проявлялъ при всѣхъ этихъ забастовкахъ не разъ уже упомянутый нами старшій фабричный инспекторъ Быковъ: онъ отказывался выходить къ рабочимъ, а когда выходилъ, то требовалъ возобновленія работъ, прежде чѣмъ выслушивалъ какія-либо жалобы, затѣмъ ругался и вообще велъ себя самымъ циничнымъ образомъ. Его поведеніе вообще было лучшей иллюстраціей къ вопросу о роли фабричной инспекціи въ Россіи.

* * *

Мы кончили нашу лѣтопись майскихъ дней, стараясь безпристрастно изобразить какъ ихъ свѣтлыя, такъ и темныя стороны. Событія, несомнѣнно, всколыхнули харьковскую рабочую массу. Какъ побѣды, такъ и пораженія нашихъ пролетаріевъ въ майскіе дни дали пищу для ихъ ума. Рабочіе получили не только много радостныхъ ощущеній отъ сознанія силы солидарной и дисциплинированной рабочей арміи, но и поучительный урокъ о крайней необходимости дѣятельнаго развитія сознанія и организаціи среди своихъ товарищей. Они увидѣли, что ихъ главный врагъ — это непониманіе и неорганизованность ихъ товарищей по судьбѣ, что безъ искорененія этого врага нельзя добиться ничего: ни улучшенія условій труда, ни простора для самодѣятельности. Наконецъ, для нихъ ясно обозначился главный врагъ внѣ ихъ собственныхъ рядовъ: правительство самодержавнаго царя, связывающее рабочаго человѣка по рукамъ и ногамъ цѣлой сѣтью запрещеній и преслѣдованій. Харьковскимъ рабочимъ остается сдѣлать практическій выводъ изъ всего этого. Хватитъ-ли у нихъ на это пониманія и энергіи? Не будемъ заниматься пророчествомъ. Приведемъ только въ заключеніе подлинныя слова одного рабочаго, заканчивающаго свой отчетъ о майскихъ событіяхъ слѣдующими словами: „Результаты громадны; рабочіе не перестаютъ говорить положительно всѣ, что это только начало, что ‚будетъ буря и поборемся мы съ ней'".

КОНЕЦЪ.

ЦѢНА: 10 коп.

